

Роман Круглов

Родился в 1988 году в Ленинграде. Поэт. Руководитель Санкт-Петербургского отделения Совета молодых литераторов, секретарь Союза писателей России. Литературовед, кандидат искусствоведения. Публиковался в журналах: «Москва», «Нева», «Подъём», «Север», «Зинзивер» и др. Автор поэтических сборников «История болезни» (2010), «36 кадров» (2012), «Двигатель внутреннего сгорания» (2014), «Гербарий» (2016), «Форма жизни» (2019), «Птичья партитура» (2022), а также пяти монографий о литературе и искусстве.

Ищешь чего-то, от пустоты устав,
А не хватает тебе, предположим, магния.
Отрегулируешь крови своей состав,
И заработает всё как по маслу — магия!

Ходишь, довольный, в баню и в институт,
Фосфор любую мелочь даёт запомнить...
Так заполняешь химией пустоту,
Покуда пустота тебя не заполнит.

Но не обманешь — с умыслом или нет —
Душу периодическими таблицами,
Если в тебе отсутствует элемент,
Тот, что и Менделееву не приснится.

Не синтезировать и не достать вообще.
Изредка чуешь, как его в мире много.
Чаще всего Бог, который в твоей душе,
Чувствуется душой как нехватка Бога.

Застоялось варенье, как будто забыл
Подавать его к чаю хозяин...
Не забыл, но однажды водою залил,
Всыпал дрожжи и ждёт урожая.

Брага бродит во тьме, точно пёс на цепи,
Изрыгая ядрёную злобу,
Пузырьками гремит, подвывает, сипит,
Замолчит обессиленно, чтобы

Под давлением адовым молча кипеть
И, на зло и добро расщепляясь,
В ядовитую муть превратиться на треть,
Ароматные слёзы роняя.

Кто очистится, тот будет подан на стол,
В кружевном хрустале светом залит,
Под лесные грибы сервирован по сто...
И хозяина гости похвалят.

Счёт пришёл от коммунальной службы:
Свет и мусор — в это весь мой долг.
Вот такие жизненные нужды.
Вот что зачисляется в итог.

Отче наш, когда бы долги наша
Мы оплачивали по делам,
То горька была бы эта чаша:
Свет сожжённый, сотворённый хлам.

Добрые поступки, дети, музы —
Этого всего по счёту нет.
Только жизни повседневной мусор
И её же несомненный свет.

Загляни в глаза дворняги
И прочти свою судьбу:
В ней дороги, и овраги,
И свобода, и табу.

Зверски мудрая природа
Без надежды и ума:
Чавкает собачья морда,
Торопясь, как жизнь сама.

Ешь, дружок. Что завтра будет —
Невозможность предсказать.
День грядущий чист, как блюдо.
Как собакиная слеза.

Разбуженный до ангеловых труб,
Преодолев земную оболочку,
Медведь-шатун восстал, как полутруп,
Нести весну по лесу в одиночку.

Он слышит пенье улетевших птиц,
И видит спящих бабочек порханье,
И различает на стволах шрифты
Ещё здесь не оставленных посланий.

Однако лес разбит параличом,
И зверь, одним предчувствием согретый,
Поверивший вслепую, — обречён.
Медведь всё понял и запел об этом.

Но деревá — спокойствия столпы,
Шатун ревущий никому не нужен:
Не слышен для холодных и тупых,
А теплокровных повергает в ужас,

Но сам он поражён ещё сильнее —
Не выразить в медвежьем смертном звуке
Мечту об окончательной весне,
Которой ради он и принял муки.

Лето, тропинка, ведущая в сад.
Входим в него, будто бы наугад.
Чуткая прикосновений игра,
Тысячеликая, как виноград.

Стрельчатых арок, цветущих колонн
Тысячекратно узор повторён.
Сладко его на себя примерять,
В нём отразившись, себя потерять.

Вором застать себя в древнем саду:
Паника, выстрел — плоды опадут.
В небе сквозь голые ветви ресниц
Не сосчитать улетающих птиц.

Когда они беременеют,
Навязывают мне
Возможное бессмертие
По бросовой цене
(Но вечно буду жить не я,
А будет типа мной
Добротный генный материал,
Что тот же перегной).

Земле земное. Не хочу
Я вечности мясной,
И не волнует, если нет
В наличии иной.
Биологическая чушь
Вся эта не по мне —
Я так же в смерть не умещусь,
Как не вмещаюсь в жизнь.

Не всё, но многое как надо,
Ведь жизнь равна себе самой.
Гвоздь в раскуроченной ограде
Один из тысячи — прямой.

Зачем прямой в кривой системе?
Он в ней не прав, казалось бы,
Но без прямых что будет с теми,
Кто гнётся, правду позабыв?

А с ними ничего не будет.
Ограду стоят до зимы,
Ещё до холодов забудут...
Но гвоздь останется прямым.

Осанку держит, как осаду,
Звенит в огне прямой спиной —
Несуществующему саду
Он держит дивную ограду
От всякой чепухи земной.

То, о чём думалось мало-помалу всю жизнь, —
Бог или снег, —
К делу его не пристроить, в сюжет не сложить.
Был или нет?

Снился, казался, клонился, летел высоко,
Таял в руках.
Для измеренья и обозначенья его
Нет языка.

Лёгкая тяжесть, смешная ручная звезда,
Медленный свет —
Вот он почти, он уже, навсегда и всегда,
Но ещё нет.

Чьё голубое?
Чёрное чьё?
Чьими глазами смотрю?
В шуме прибоя
Кто узнаёт
Давнюю горечь свою?

Кто, словно гальку,
Выбрал меня
Из миллиардов других,
Чтоб через кальку
Этого дня
Чаячи видеть круги?

Волны врачуют
Камни своя.
Лишние стёрты черты,
Чтобы почуять,
Как своё Я
Стало не ближе, чем Ты.

Камушек встретив,
Всхлипнет вода.
Снова его подберу
Через столетье.
Я был всегда
И никогда не умру.

Что там в скудельном моём
Не скудеет бокале?
Поровну в нём остаётся
Любви и печали.

Верой разбавлю на треть.
Пью за вечное царство!
Что перестанет болеть,
От того и лекарство.

Молитва грибника

Что предназначено мне, то откроется мне,
Хоть до меня был исхожен весь лес поперёк.
То, чего я не найду, пусть другой соберёт.
Что не увидит никто — это лесу нужней
В тайне оставить, чтоб тайна на свете была.
Страшен пожар, но его плодородна зола:
В новом подлеске бурьян, иван-чай, чистотел...
Что, в самом деле, грибы? Лишь бы лес зеленел.

Большого, Господи, мне не позволяй пожелать.

Молитва рыбака

Может, бросить пустую игру,
Ведь давно уже мёртв водоём?
Но приносит на лапках икру
Чайка — рыба заводится в нём.

Раньше рыбой весь берег был жив,
Раньше били её острогой.
Я ж хвалюсь, мелкоты наловив,
Ибо вижу её — вот такой!

Но кому мой потребен улов?
Промысловая умная сеть
Обесмысливает рыбаков.
В магазине готовые есть

Осетры для солидных господ...
Не рыбак — не поймёт рыбака.
Пусть смеются соседи. Господь
Узнаёт меня издалека.

Лес легко переходит болото
На огромных сосновых ногах.
Раз — и он уже древнее что-то
На других временных берегах.

Два — с изяществом тяжким лосиным
Исчезает в тумана листве,
Унося древесину России
К небесам — от собак и червей.

Три — в рогах его солнце гнездится,
Песнь заводит о новой заре,
И ликуют влюблённые птицы,
Оставаясь в её янтаре.